

Темнота и плесень

Станислав Лем

1

- Это уже последняя? - спросил мужчина в дождевике.

Носком ботинка он сталкивал с насыпи комя земли вниз, на дно воронки, где гудело ацетиленовое пламя и виднелись согнувшиеся фигуры с огромными бесформенными головами. Ноттинсен отвернулся, чтобы вытереть слезившиеся глаза.

- Черт возьми, куда-то запропастились мои темные очки. Надеюсь, последняя? Я еле на ногах держусь. А вы?

Мужчина в лоснящемся плаще, по которому стекали мелкие капли воды, спрятал руки в карманы.

- Я привык. Не смотрите, - добавил он, заметив, что Ноттинсен опять поглядывает в глубь воронки. Земля дымилась и шипела от пламени горелок. - Если бы хоть уверенность была, - проворчал Ноттинсен. Он щурился. - Если здесь происходит такое, то представляете себе, что там творилось, - он кивнул в сторону шоссе, где над развороченными краями кратера поднимались тоненькие струйки пара, голубоватые от вспышек невидимого пламени.

- Его наверняка уже не было тогда в живых, - сказал мужчина в дождевике.

laps.fri.uni-lj.si

Он вывернул наизнанку оба кармана и вытряхнул из них воду. Дождь моросил не переставая.

- Он даже не успел испугаться и ничего не чувствовал.

- Испугаться? - переспросил Ноттинсен. Он хотел взглянуть на небо, но сейчас же спрятал голову в воротник. - Он?! Тогда вы его не знали. Ну, конечно, вы его не знали, - сообразил он. - Работа над изобретением продолжалась четыре года, и в течение четырех лет это могло произойти с ним каждую секунду.

- Так почему же ему разрешили над этим работать? - Мужчина в мокром плаще взглянул исподлобья на Ноттинсена.

- Не верили, что получится, - мрачно ответил Ноттинсен.

Синие ослепительные язычки пламени продолжали лизать дно воронки.

- Неужели? - произнес собеседник. - Я... имею некоторое представление о здешней стройке. - Он взглянул туда, где в нескольких сотнях метров слабо дымился кратер. - Она влетела в копеечку...

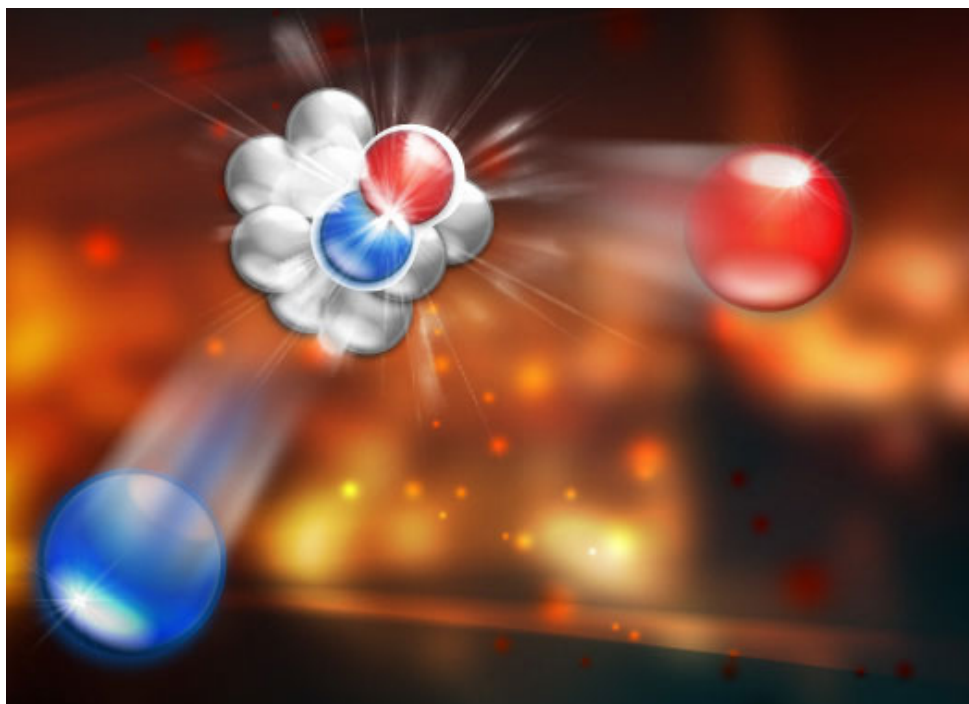
- Тридцать миллионов, - поддакнул Ноттинсен, переступая с ноги на ногу. Ему казалось, что ботинки промокают. - Ну и что же? Ему бы дали триста или три тысячи, если бы были уверены...

- Это имело какое-то отношение к атомам, правда? - спросил мужчина в плаще.

- Откуда вы знаете?

- Слышал. И даже видел столб дыма.

- Взрыв?

lab.org

- Кстати, почему строили в таком отдаленном месте?

- Такова была его воля, - ответил Ноттинсен. - Поэтому он и работал один - четыре месяца с того момента, как ему удалось... - Ноттинсен взглянул на собеседника и добавил, наклоняясь: - Это было бы пострашнее атомов. Пострашнее! - повторил он.

- Что же может быть страшнее конца света?

- Можно сбросить одну атомную бомбу и этим ограничиться, - сказал Ноттинсен. - Но одна Вистерия... хватило бы одной! И никакая сила не могла бы ей противостоять. Эй, там! - крикнул он, наклонившись над воронкой. - Не торопитесь! Не отводите пламя! Каждый дюйм надо как следует прокалить!

- Меня это не касается, - произнес мужчина в плаще. - Но... если она столь могущественна, чем тут поможет этот слабый огонь?

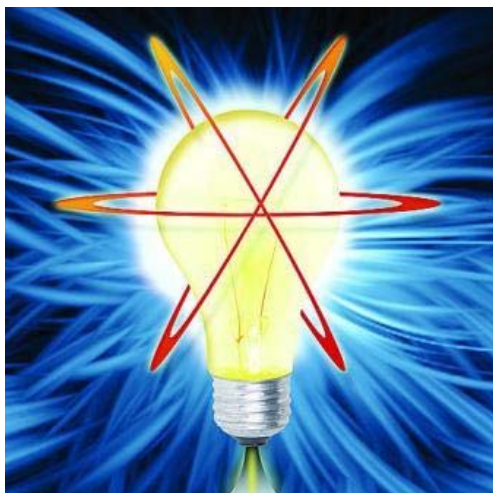
- Вам известно, что должно было получиться? - с расстановкой произнес Ноттинсен.

- Я в этом не разбираюсь. Альдермот сказал, чтобы я помог вам местными силами, что это были... что он работал над какими-то атомными бактериями. Нечто в этом роде.

- Атомная бактерия, - Ноттинсен рассмеялся, но тут же замолчал. Откашлялся и произнес: - Вистерия Космолитика - так он это называл. Микроорганизм, уничтожающий материю и получающий таким путем жизненную энергию.

- Где он его взял?

- Это производное управляемых мутаций. То есть он исходил из существующих бактерий, постепенно подвергая их воздействию все возрастающих доз радиации, пока не получил Вистерию. Она существует в двух

picturethis.pnl.gov

состояниях - в виде спор безвредна, как мука, ею можно посыпать улицы. Но если Вистерия оживает и начинает размножаться - тогда конец.

- Да, Альдермот говорил мне, - сказал мужчина в плаще.

- Что?

- Что бактерии будут размножаться и пожирать все - стены, людей, железо.

- Верно.

- И что это уже невозможно будет остановить.

- Да.

- Но к чему тогда такое оружие?!

- Вот поэтому его и нельзя было пока применять. Вистер работал над способом остановки этого процесса, над его обратимостью. Понимаете?

Мужчина сначала посмотрел на Ноттинсена, потом вокруг - ряды концентрических воронок, окруженных земляными валами, таяли вдали в сгущающихся сумерках, кое-где над ними еще поднимался пар - и ничего не ответил.

- Будем надеяться, что ничего не уцелело, - сказал Ноттинсен. - Не думаю, чтобы он решился на какой-нибудь безумный поступок, не имея уверенности, что сможет опять... - произнес он, не глядя на товарища.

- Много этого было? - отозвался тот.

- Спор? Это как сказать. В несгораемом шкафу было шесть пробирок.

- В его кабинете на третьем этаже? - спросил мужчина.

- Да, там теперь воронка, в которой поместились бы два дома, - произнес Ноттинсен и вздрогнул. Посмотрел вниз на мигающее пламя и добавил: - Кроме воронок надо будет прокалить весь участок, все в радиусе пяти километров.

Завтра утром приедет Альдермот. Он мне обещал мобилизовать воинские части, нашим людям одним не справиться.

- Какие ей нужны условия, чтобы начать? - осведомился мужчина.

Ноттинсен смотрел на него с минуту, как бы не понимая вопроса.

- Чтобы активизироваться? Темнота. В несгораемом шкафу горел свет, были припасены специальные аккумуляторные батареи на случай перебоя в снабжении электроэнергией - восемнадцать ламп, каждая с отдельной, независимой друг от друга цепью.

- Темнота и больше ничего?

- Темнота и какая-то плесень. Присутствие этой плесени было необходимо. Она вырабатывала какие-то биологические катализаторы. Вистер не изложил этого подробно в своем докладе подкомиссии - все бумаги и материалы он хранил внизу в

mycoweb.narod.ru

своей комнате.

- Видно, он не ожидал, - сказал мужчина.

- А может быть, как раз напротив, - неопределенно буркнул Ноттинсен.

- Вы думаете, что свет погас? Но откуда взялась плесень? - спросил мужчина.

- Совсем не так! - Ноттинсен удивленно посмотрел на него. - Это не они. Это... они размножаются без всякого взрыва. Спокойно. Думаю, он что-то делал с этим большим паратреном в подземном помещении - речь шла о том, чтобы найти способ, позволяющий остановить их развитие и, не зная его, быть наготове на случай...

- Войны?

- Да.

- И что он там делал?

- Неизвестно. Это имело какое-то отношение к антиматерии. Ведь Вистерия уничтожает материю. Синтез антипротонов - образование силового поля - деление - таков ее жизненный цикл.

Некоторое время они молча смотрели на работавших внизу людей.

Огоньки на дне воронки гасли один за другим. В серо-голубых сумерках люди карабкались вверх, таща за собой гибкие змеи проводов, - огромные, в асбестовых

science.howstuffworks.com

масках, по которым стекал дождь.

- Пошли, - отозвался Ноттинсен. - Ваши люди на шоссе?

- Да, не беспокойтесь. Никто не пройдет.

Дождь становился все мельче - порой казалось, что на лицах и одежде оседают только мелкие капельки тумана.

Они шли полем, обходя исковерканные, перекрученные и обгорелые стволы деревьев, валявшиеся в высокой траве.

- Даже сюда занесло. - Мужчина,

шагавший рядом с Ноттинсеном, оглянулся. Однако все было покрыто серым, сгущающимся туманом.

- Завтра в это время все будет кончено, - сказал Ноттинсен.

Они подходили к шоссе.

- А... ветер не мог разнести это дальше?

Ноттинсен взглянул на него.

- Не думаю. Вероятнее всего, само давление, образовавшееся при взрыве, обратило их в прах. Ведь то, что здесь лежит, - он взглянул на поле, - это останки деревьев, а они росли в трехстах метрах от здания. От стен, аппаратуры, даже от фундамента ничего не осталось. Ни пылинки. Мы ведь все просеивали сквозь сетки, вы были при этом.

- Да, - подтвердил мужчина в плаще, не глядя на собеседника.

- Вот видите. То, что мы делаем, - это на всякий случай, чтобы иметь полную уверенность.

- Вот это было бы оружие, верно? Как оно называлось? Как вы говорили? - Вистерия Космолитика. - Ноттинсен тщетно пытался поднять размокший воротник дождевика. Ему становилось все холоднее. - Но в управлении оно значилось под шифром - они там любят шифры - "Темнота и плесень".

2

В комнате было холодно. По стеклам стекали капли дождя. Гвоздь выпал, одеяло с одной стороны провисло, и потому была видна часть грязной дороги за садом и пузыри на лужах. Который час? Он определил время по серому небу, теням в углах

комнаты и тяжести в груди. Потом долго кашлял. Прислушался, как трещат суставы, когда он натягивал брюки. Разогрел чай, отыскав чайник и пакетик с заваркой под грудой бумаг на письменном столе. Ложечка валялась на полу у окна. Он шумно прихлебывал горячую жидкость, терпкую и бледную. Разыскивая сахар, он обнаружил среди книг кисточку для бритья со следами засохшего мыла, запропастившуюся три дня назад. А может, четыре? Он исследовал большим пальцем подбородок - щетина еще кололась.

Кипа газет, книг и белья угрожающе накренилась и наконец с мягким шелестом обрушилась за стол и исчезла, подняв облачко пыли, от которой защекотало в носу. Он чихал медленно, с передышками, и все его существо наполнялось какой-то живительной силой. Когда он последний раз отодвигал стол? До чего же нудная работа. Может, лучше пройтись? Идет дождь.

Он поплелся к письменному столу, ухватился за край у самой стены и потянул. Стол дрогнул, заклубилась пыль.

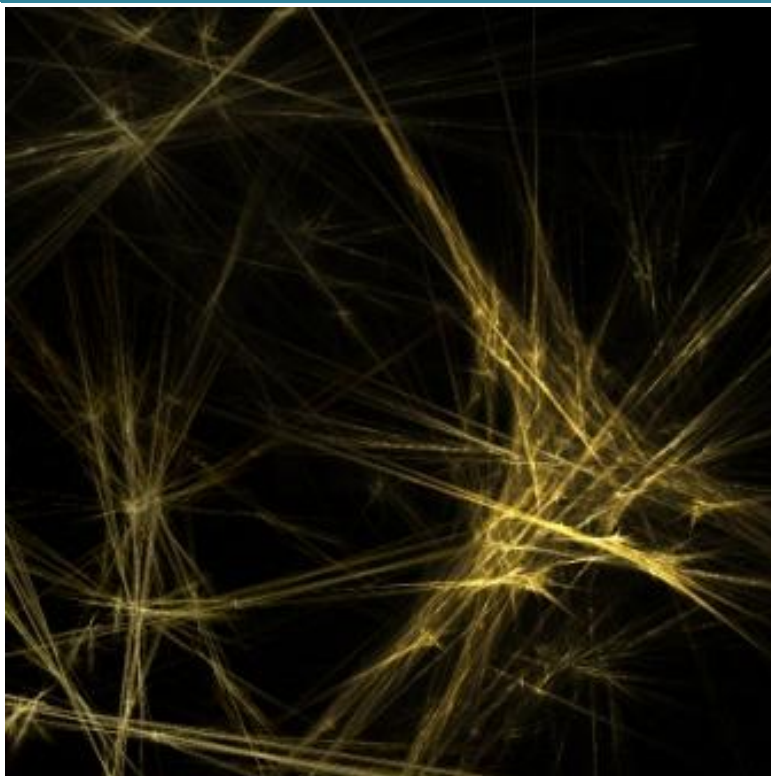
Он толкал его изо всех сил, тревожась лишь о своем сердце. "Если даст о себе знать, перестану, - решил он. - Не должно". Все, что упало за стол, вдруг потеряло для него интерес, важна была только проверка своих сил. "А я еще довольно крепок", - думал он с удовлетворением, видя, как ширится темная щель между столом и стеной. Торчавший там предмет скользнул вниз и, звякнув, скатился на пол.

Может, это вторая ложка, нет, скорее гребешок, с интересом подумал он. Только гребешок не издал бы такого металлического звука. Может, сахарные щипцы?

Между потрескавшейся штукатуркой и черной стенкой стола зияло темное пространство шириной с ладонь. По опыту он знал, что теперь начнется самое трудное, так как ножка стола непременно застрянет в широкой щели пола. Так и есть - попала. Некоторое время он возился с неподатливым грузом.

Топором, топором эту дохлятину, подумал он с наслаждением, ощущая, как в груди закипает бодрящее гневное чувство. Он дергал стол, хоть и знал, что это бесполезно. Стол следует наклонить и, раскачав, стронуть с места, так как ножка со стороны стены короче и выскакивает. Лучше, чтобы не выскочила, предостерегал рассудок, потом придется подкладывать книги, в поте лица выпрямлять гвозди, молотком вколачивать ножку в гнездо. Но он слишком ненавидел эту упрямую машину, которую столько лет напихивал бумагами.

- Скотина! - простонал он, теряя власть над собой, - взмокший, преследуемый запахом пыли и пота, напрягся и снова стал возиться с неповоротливым грузом,

opposite.blog.tut.by

как обычно обольщаясь пленительной надеждой, что овладевшая им ярость сама по себе поднимет и сдвинет эту почерневшую рухлядь без особых усилий с его стороны.

Ножка выскочила из щели и придавила пальцы. К злобе примешалась жажда мести. Подавив крик боли, он уперся спиной в стену и толкал теперь стол коленями и руками. Черная брешь росла, в нее можно было бы уже протиснуться, но человек в

исступлении все продолжал толкать; первый луч света озарил свалку, открывшуюся за столом, который остановился с предсмертным скрипом.

Человек опустился на груды книг - он и не заметил, как они во время возни очутились на полу. Он посидел с минуту, чувствуя, как на лбу высыхает пот. Что надо было вспомнить - ах да, сердце не отозвалось. Это хорошо.

Был виден только вход в эту образовывавшуюся в густом мраке за столом пещеру, и перед ним валялись мягкие, легкие как пух "летающие кошки". Так он называл серые космы и клубки пропыленной паутины, скапливавшиеся под старыми шкафами, в недрах диванов, проплесневевшие, замшелые и насквозь пропыленные.

Человек не торопился исследовать содержимое отвоеванного закоулка. Что там может быть? Он испытывал удовольствие, хоть и не помнил, зачем отодвигал стол. Грязное белье и газеты лежали теперь посреди комнаты - вероятно, он машинально отшвырнул их туда пивком, когда отодвигал стол. Человек стал на четвереньки и осторожно сунул голову в полумрак. Этим он окончательно заслони́л свет, и ничего не смог разглядеть. В ноздри набилась пыль. Он снова расчихался, но уже со злостью.

Человек отступил назад, долго сморкался и решил отодвинуть стол дальше, еще дальше - так далеко он его никогда не отодвигал. Он ощупал заднюю, угрожающе потрескивавшую стенку, примерился, приналег, в стол с неожиданной легкостью

выехал почти на середину комнаты, опрокинув ночной столик. Чайник упал. Человек гул его ногой.

Потом он вернулся к обнаруженному кладу. От малейшего движения с едва заметных плиток паркета, заваленных какими-то предметами, поднимались облака пыли. Человек принес лампу, поставил ее рядом на умывальник, включил и обернулся. Стена за столом сплошь заросла бахромой паутины, местами толстой, как веревка. Из пожелтевшей газеты он скрутил жгут и принялся сгребать им все, что попадалось под руку, в одну кучу. Работал он, низко наклонившись, стараясь не дышать, в облаках пыли - нашел кольцо от занавески, крюк, обрывок ремня, пряжку, скомканный, но чистый лист почтовой бумаги, пустую спичечную коробку, начатую палочку сургуча. Остался только угол у самой стены между плитусами, заваленный заплесневевшим мусором и как бы поросший сероватыми волосками. Опасливо он ткнул туда носком туфли и насмерть перепугался. Большой палец ноги, торчавший из дырявой туфли, наткнулся на что-то маленькое, упругое. Он стал искать, но ничего не нашел.

Померещилось, подумал он.

Человек пододвинул к столу стул - не трехногий, тот он предпочитал не трогать, а другой, на котором стояла миска, - миску он столкнул, и она с грохотом покатила по полу, он улыбнулся сел и стал изучать найденные за столом вещи.

Он осторожно сдул серый покров пыли. Латунное кольцо заблестело, как золотое, попробовал надеть его на палец - оказалось велико. Ржавый и погнутый крюк с приставшим к острию комком извести он поднес к самому носу. Крюк этот, судя по всему, изведаль немало невзгод на своем веку: загнутый конец был сплюснен - кто-то, видно, сорвал на нем свою злость, от ударов осталась бахрома заусениц, уже изъеденная ржавчиной, и теперь она рассыпалась в прах от прикосновения. Затупившееся острие, вероятно, наткнулось на что-то твердое в стене - вырванное с корнем из своего гнезда, оно напоминало зуб. Человек озабоченно потрогал одиноко торчавший из десны обломок зуба, как бы выражая этим жестом свое сочувствие крюку.

Остальные находки он бросил в ящик и повернул абажур лампы.

Перегнувшись через стол, он смотрел вниз на пол - в желтом свете лампы чернела стена, заросшая отвратительной косматой плесенью, а от стола, поблескивая, тянулись сонно колыхавшиеся разорванные паутинки. Посредине адресом и маркой вверх валялся на паркете запыленный старый конверт, а под ним,

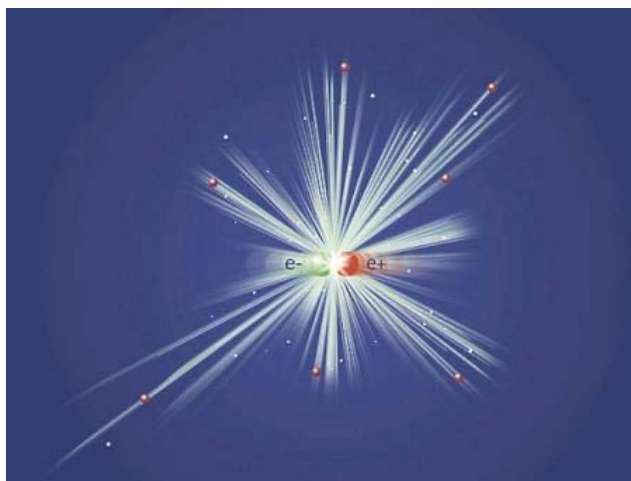
приподымая край, лежало что-то совсем маленькое, величиной с орех.

Он подумал: мышь - и к горлу подступил спазм отвращения. Затаив дыхание и не глядя, он подтянул к себе тяжелое бронзовое пресс-папье. Сердце замерло от ожидания и страха, что не успеет, что сию же минуту отвратительный зверек серой стрелкой метается из-под конверта. Однако ничего не произошло - конверт со слегка приподнятым краем продолжал спокойно лежать, освещенный лампой, и только паутинки мерно дрожали, как живые. Он наклонился еще ниже и, уже лежа на столе, с силой швырнул пресс-папье, которое мягко шлепнуло по конверту, как бы прижимая к земле что-то упругое, подскочило и в облаке серой пыли глухо стукнуло об пол.

Тогда в каком-то порыве отвращения и отчаяния, не помня себя, человек принялся исступленно бросать на конверт все, что было под рукой: толстые тома немецкой истории, словари, обитую серебряной жестью шкатулку для табака; он бросал, пока до самых сонно колыхавшихся паутинок не поднялась беспорядочная куча, в недрах которой - он каким-то непостижимым образом улавливал это по стуку падавших предметов - ему упрямо сопротивлялось нечто живое, упругое.

В припадке страха (он инстинктивно чувствовал, что, если не убьет этого, - придет возмездие), кряхтя от напряжения, он приволок широкий литой колосник и, раскидав ногой кучу книг, с нечеловеческим усилием метнул его в приподнятый краешек письма.

Что-то как бы нехотя скользнуло по его ногам, он опять почувствовал то же, что и прежде - живое, теплое прикосновение, - и с паническим воплем, который, казалось, разрывал горло, опрометью бросился к дверям. В передней было гораздо светлее, чем в комнате. Человек судорожно ухватился за дверную ручку, стараясь побороть приступ головокружения. Потом окинул взглядом приоткрытую дверь. Он собирался

zms.desy.de

с силами, чтобы вернуться в комнату, и тут появилась черная точка.

Человек ничего не заметил, пока не наступил на нее. Она была меньше булавочной головки, походила на зернышко, пылинку или крошечный кусочек сажки, который ленивое дуновение ветерка несло над самым полом. Нога не коснулась пола, она скользнула,

вернее, проехала, словно он наступил на невидимый упругий мячик, тут же отскочивший в сторону. Теряя равновесие, человек в каком-то отчаянном танце рухнул на дверь в больно ударился локтем. Всклипывая от досады, он медленно встал с пола.

- Ничего, дорогой, ничего, - бормотал он, поднимаясь с колен. Посапывая, попробовал пошевелить ногой - цела. Теперь он стоял у порога и в отчаянии лихорадочно оглядывался по сторонам. Вдруг над самым полом в проеме приоткрытой двери в сад, откуда слышался монотонный шум дождя, он заметил черную точку. Она слегка подрагивала в углу, между порогом входной двери и щелью в половицах, постепенно замирая. Он склонялся над нею все ниже, пока не согнулся почти вдвое, и все смотрел на черную точку, которая вблизи показалась ему продолговатой.

Это паучок, с такими тоненькими ножками, я их просто не вижу, решил человек. Мысль о нитевидных ногах этого существа наполнила его отвращением и робостью. Он вытащил из кармана платок и замер. Затем накрыл им ладонь, чтобы поймать паучка, и нерешительно отвел руку назад. Наконец опустил край свободно свисавшего платка и поднес его к черному паучку.

Испугается и убежит, подумал он, и все будет в порядке.

Черная точка не убегала. Кончик платка не дотронулся до нее, а согнулся над нею на расстоянии толщины пальца, точно встретил невидимое препятствие. Человек бессильно ударял по воздуху платком, который мялся и закручивался. Наконец, расхрабрившись (у него захватывало дух от собственной предприимчивости), достал из кармана ключ и ткнул им черную точку.

Рука почувствовала опять это упругое сопротивление, ключ завертелся в пальцах, а черная точка взвилась в воздух и нервно заплясала у самого его лица, постепенно снижаясь, пока снова не замерла в углу между порогом и полом. Он и испугаться как следует не успел, так быстро все произошло.

Медленно щурясь, как подле разбрызгивающей жир сковородки, на которой поджаривается грудинка, человек накрыл черную точку развернутым платком. Ткань легко опустилась и вздулась, словно под ней лежал мяч для игры в пинг-понг. Он осторожно собрал уголки платка, свел их вместе и связал - круглый предмет был пойман. Человек дотронулся до него сперва концом ключа, потом пальцем.

Шарик был упругим по природе, при нажиме пружинил, но чем сильнее на него давили, тем большее сопротивление он оказывал. Шарик был легок, по крайней мере

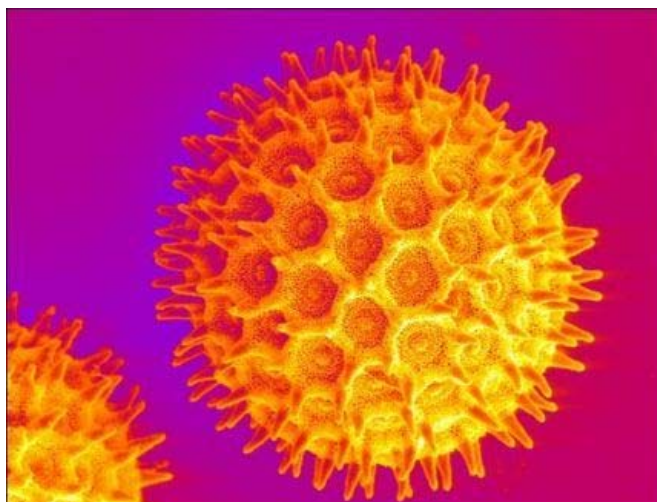

человек не почувствовал, что платок сделался тяжелее. Человек выпрямился и, опираясь свободной рукой о стену, заковылял на онемевших ногах в комнату.

Сердце его учащенно билось, когда он клал узелок под лампу на очищенную от хлама крышку стола. Он зажег свет, поискал очки, потом, поразмыслив, решил не щадить сил и уже во втором по счету ящике нашел лупу - величиной с блюдце, в вороненой оправе с деревянной ручкой. Он подтащил стул, отшвырнув с дороги беспорядочно разбросанные раскрытые книги, и начал осторожно развязывать узелок. Он еще раз прервал свое занятие, встал и в хламе у окна разыскал стеклянный треснутый колпак для сыра, накрыл им платок, оставив снаружи только уголки, и принялся тянуть за них, пока он не развернулся, весь в пятнах и затеках.

Человек ничего не видел. Он все ниже склонял голову и вздрогнул от неожиданности, прикоснувшись носом к холодному стеклу колпака.

Черную точку удалось разглядеть лишь через лупу - она походила на маленькое пшеничное зернышко. На одном конце его виднелась более светлая сероватая выпуклость, а на другом - два зеленых пятнышка, едва различимые даже с помощью лупы. А может быть, свет, преломившись в толстом стекле колпака, придавал им этот оттенок? Осторожно дергая за уголки, человек вытащил платок. Это продолжалось с минуту. Тогда у него родилась новая идея. Он передвинул колпак к самому краю стола и в щель, образовавшуюся между стеклом и деревом, ввел внутрь на длинной проволоке заранее приготовленную спичку, которой он в последний момент чиркнул о коробок.

pit.dirty.ru

Сначала казалось, что спичка погаснет, затем, когда она разгорелась ярче, он не смог переместить ее в нужном направлении, но наконец и это удалось. Желтоватый язычок пламени приблизился к черной точке, висевшей на высоте двух сантиметров над поверхностью стола, и вдруг тревожно замигал. Человек подвинул спичку чуть

дальше - и пламя охватило какой-то шарообразный предмет. Спичка горела еще с минуту и, уронив искорку, погасла, только уголек мерцал еще "мгновение.

Человек вздохнул, опять отодвинул колпак под абажур и долго, не двигаясь, всматривался в черную точку, которая едва шевелилась внутри колпака.

- Невидимый шарик, - пробормотал он, - невидимый шарик.

Человек был почти счастлив, даже не подозревая об этом. Следующий час ушел на то, чтобы поместить под колпак чайное блюдце, наполненное чернилами. Целая система палочек и проволочек понадобилась для того, чтобы переместить исследуемый предмет к блюдцу. Поверхность чернил слегка прогнулась в одном месте, там, где с нею должна была соприкоснуться нижняя часть шарика. Больше ничего не случилось. Попытка окрасить шарик чернилами не удалась.

В полдень его стало одолевать смутное чувство голода - он доел овсянку и остатки раскрошившегося кекса из полотняного мешочка, выпил чаю. Вернувшись к столу, он не сразу нашел черную точку и вдруг испугался. Забыв об осторожности, он поднял колпак и, как слепой, широко расставив руки, стал лихорадочно ощупывать стол.

Шарик сразу же прильнул к руке. Он сжал пальцы и сел, преисполненный благодарности, умиротворенный, что-то тихонько мурлыча. Невидимый шарик согревал его руку. Человек чувствовал исходящее от него тепло и все смелее играл этим невесомым предметом, перекатывая его с руки на руку, пока взгляд ни привлекло что-то блестящее в пыли у печки, среди сора, который высыпался из опрокинутого мусорного ведра. Это была смятая станиолевая обертка от шоколада. Он сейчас же принялся заворачивать в нее свой шарик. Это оказалось вопреки ожиданию совсем легким делом. Он оставил только с противоположных концов два отверстия, проделанные булавкой, чтобы, глядя на свет, можно было убедиться, что маленький черный узник находится на месте.

Когда наконец ему пришлось выйти из дому, чтобы купить чего-нибудь съестного, он накрыл шарик стеклянным колпаком, прижал его и для пущей важности со всех сторон обложил книгами.

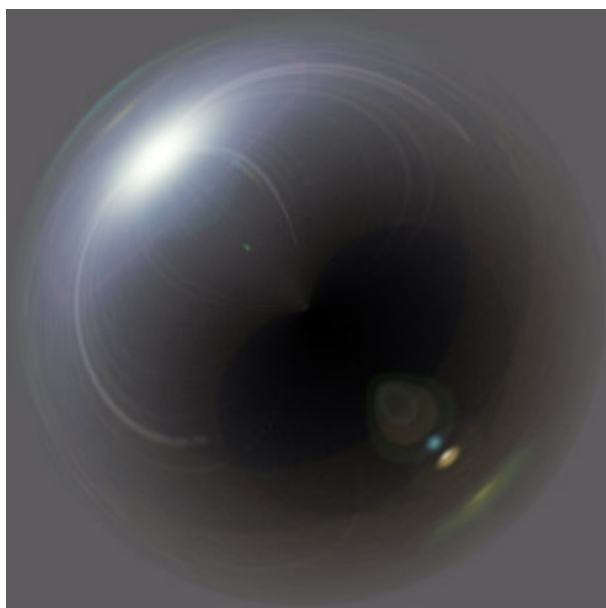
Для него настали прекрасные времена. Иногда он проделывал с шариком какие-нибудь эксперименты, однако чаще лежал в постели, перечитывая любимые места в старых книгах. Свернувшись под одеялом, чтобы было теплее, он вытаскивал руку только для того, чтобы перевернуть страницу, и, поглощенный подробным описанием смерти товарищей Амундсена во льдах или мрачней исповедью Нобиле о

случаях людоедства после катастрофы, постигшей его полярную экспедицию, он порой обращал взор на мирно блестящий под стеклом шарик, который незначительно менял положение, спокойно перемещаясь от одной стенки колпака к другой, словно подталкиваемый какой-то невидимой силой.

Ходить за покупками и готовить обед не хотелось, поэтому он уплетал кексы, а если было немного дров, пек в золе картошку. По вечерам он погружал шарик в ведо или пытался кольнуть его чем-нибудь острым, затупил о него бритву, но не получил никаких результатов - и это продолжалось до тех пор, пока он не начал терять покой. Человек задумал нечто грандиозное: хотелось притащить из подвала старые тиски и сжать в них шарик до маленькой точки в центре, но это было связано с таким беспокойством (бог знает, сколько времени придется рыться в старых железках и хламе, и вдобавок он сомневался, поднимет ли тиски, которые три года назад отнес вниз); таким образом, эта мысль так и осталась неосуществленной.

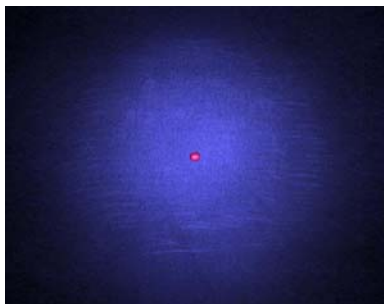
Однажды он долго нагревал шарик на огне, но добился лишь того, что прожег дно еще совсем новой кастрюльки. Станиоль потемнел и истлел, но сам шарик нисколько не пострадал. Человек уже начинал терять терпение и подумывал о сильнодействующих средствах, все более убеждаясь в том, что шарик невозможно уничтожить. Эта стойкость доставляла ему удовольствие, но однажды он обнаружил то, что, собственно, должен был заметить гораздо раньше.

gzarchive.msk.ru

Станиолевая обертка (новая, ибо прежняя от разных экспериментов разлезлась в клочья) лопнула сразу в нескольких местах, и в просветах показалось содержимое. Шарик рос! Человек задрожал, когда наконец осознал это; поместив его без обертки под лупу, он долго исследовал шарик сквозь двойное стекло, которое выкопал в нижнем ящике стола, и наконец удостоверился, что не ошибся.

Шарик не только рос, но и менял форму. Он уже не был совсем круглый - выпятились как бы два полюса, а черная точка вытянулась так, что ее было видно даже невооруженным глазом. За

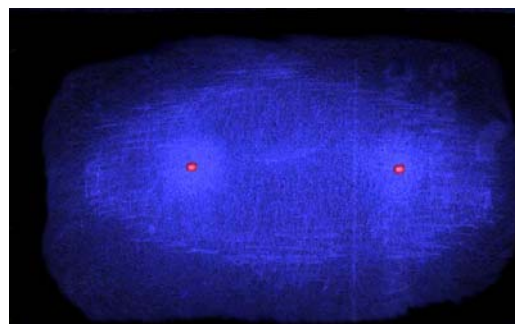
шероховатой головкой у двух зеленых пятнышек появилась слабо поблескивавшая черточка, которая медленно вращалась, и это было труднее уловить, чем движение часовой стрелки, но по прошествии ночи у него не осталось в этом ни малейшего сомнения. Шарик вытянулся, как яйцо с двумя одинаково утолщенными концами. Черная точка в центре заметно набрякла.

На следующую ночь его разбудил короткий, но громкий звук, как будто на морозе лопнуло толстое стекло. Еще звенело в ушах, когда он выскочил из постели и босиком побежал к столу. Слепленный, он стоял, закрыв рукой лицо, и в отчаянии дожидался, когда глаза привыкнут к темноте. Колпак был цел. На первый взгляд ничего в нем не изменилось. Человек искал черную продолговатую ниточку и не находил. Наконец увидел ее и ужаснулся - настолько она укоротилась. С опаской он поднял колпак, и что-то прижалось к его ладони. Низко наклонившись, он приблизил лицо к пустой поверхности стола и наконец увидел.

Их было два - теплые, словно только что вынутые из горячей воды. И в каждом темнело маленькое ядрышко, черная матовая точка. Его охватило неизъяснимое блаженство, умиление. Он дрожал не от холода, а от возбуждения. Положив их на ладонь, теплых, как цыплята, и осторожно, чтобы не сдуть почти невесомых на пол, стал согревать своим дыханием. Потом завернул каждый в станиоль и спрятал под колпак. Долго стоял над ними, тщетно стараясь придумать для них что-либо еще, и наконец с учащенно бьющимся сердцем вернулся в постель, несколько раздосадованный собственным бессилием и вместе с тем спокойный и растроганный почти до слез.

- Крошки мои, - бормотал он, забываясь блаженным и здоровым сном.

Месяц спустя шарики уже не помещались под стеклянным колпаком. А еще через месяц он потерял им счет. Как только черное зернышко достигало обычных размеров, шарик начинал вздуваться на полюсах. Только раз ему удалось подстеречь момент деления, который всегда наступал ночью. Звук, раздавшийся из-под колпака, оглушил его на несколько минут, но более поразила вспышка, подобно крошечной молнии озарившая на мгновение темную комнату. Он не

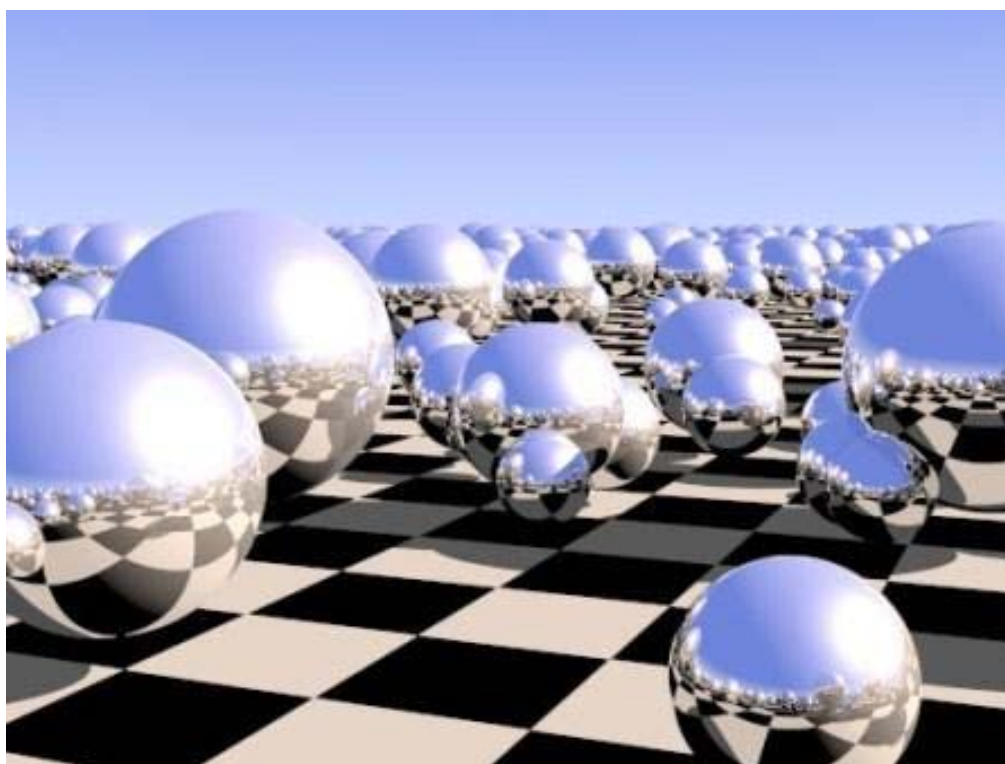

понимал, что происходит, но, лежа в кровати, почувствовал, как дрогнул пол, и тут уразумел, что в крошечных шариках таится неизмеримая мощь. Им овладело чувство, какое возникает перед подавляющими своим величием явлениями природы, - словно на мгновение перед ним открылся зияющий провал водопада или затряслась земля под ногами. С коротким звоном, эхо которого еще, казалось, поглощали стены дома, ему на какую-то долю секунды открылась и сейчас же исчезла мощь, ни с чем не сравнимая. Испуг быстро прошел, а утром все это показалось ему кошмарным сновидением.

На следующую ночь он постарался вести наблюдение в темноте. И впервые тогда заметил, как одновременно с глухим звуком и воздушной волной вспышка зигзагом разрежала набухшее яйцо и мгновенно пропала - казалось, ее и вовсе не было.

Человек не помнил даже, был ли в ту зиму снег, так редко он покидал дом, разве только затем, чтобы дойти до магазина за поворотом дороги. К весне комната кишела шариками. Он уже не пытался, их заворачивать в станиоль, да и где взять его столько. Они болтались всюду, попадали под ноги, бесшумно сыпались с книжных полок, где особенно хорошо были видны, когда залеживались, припудренные тонким слоем пыли, которая мягко обрисовывала их контуры.

И вечно что-нибудь приключалось с ними (он выуживал шарики из овсянки, из молока, находил в пакете с сахаром, они как невидимки выкатывались из посуды,

.imagico.de

варились в супе); их обилие начинало подсказывать ему новые идеи и слегка тревожить.

Неудержимо разрастающаяся орава мало о нем заботилась. Его бросало в дрожь при мысли, что какой-нибудь шарик выскочит в сени и дальше, в сад, где его могут найти дети. Тогда человек установил перед порогом частую проволочную сетку, а через некоторое время, чтобы выйти на улицу, ему уже надо было выполнить целый сложный ритуал - он поочередно выворачивал все карманы, заглядывал за отвороты брюк, для большей уверенности по нескольку раз отряхивал их, двери открывал и закрывал медленно, чтобы сквозняк не унес невзначай какой-нибудь шарик. И чем больше их было, тем сложнее было с ними управляться.

Ему докучало по-настоящему только одно большое неудобство подобного сожительства, изобилующего переживаниями: их была такая уйма, что они размножались почти непрерывно, и мощный звенящий звук раздавался иногда пять-шесть раз в течение одного часа. Из-за того, что они будили его по ночам, он стал отсыпаться днем, когда царила тишина. Порой эта нарастающая, неумная плодовитость внушала ему безотчетную тревогу, все труднее было двигаться, на каждом шагу из-под ног удирали невидимые упругие шарики, разбегались во все стороны. Он знал, что скоро будет бродить в них по колено, словно в воде. Над тем, как они жили, чем питались, он не задумывался.

Хотя конец зимы выдался холодный, с частыми заморозками и метелями, он давно уже не топил печь. Скопление шариков равномерно излучало теплоту.

Давно в комнате не было так уютно, как сейчас, когда по следам, оставленным в пыли, можно было догадаться, как забавно они подпрыгивали и катались, словно ими только что играли котята.

Чем больше было шариков, тем легче узнавались их повадки. Можно было заключить, что они не любят друг друга, во всяком случае, не терпят слишком близкого соседства с себе подобными: всегда между двумя ближайшими шариками оставалась тоненькая воздушная прослойка, которую нельзя было уничтожить даже значительными усилиями. Особенно это бросалось в глаза, когда обернутые станиолем шарики он подносил один к другому. Со временем он стал убирать лишние шарики - сваливал их в жестяную ванночку, где под слоем пыли они лежали, как куча крупнозернистой лягушечьей икры, время от времени сотрясаемые изнутри, когда какое-нибудь прозрачное яйцо делилось на два новых.

Надо признаться, что иногда им овладевали самые удивительные прихоти.

topnews.ru

Например, он долго боролся с собой - так ему хотелось проглотить одного из своих подопечных. Кончилось тем, что он решил взять его в рот. Человек осторожно поворачивал шарик языком, чувствуя небом и деснами мягкую упругость его боков, излучающих слабое тепло.

На другой день после этого случая он заметил на языке кровоподтек. Но не связал эти два факта. Все чаще случалось, что шарики попадали в постель, и он не мог взять в толк, почему

наволочки и пододеяльники, прекрасно до этого ему служившие, расползались, словно вдруг истлели. В конце концов от простыни остались одни клочья - дыр было больше, чем полотна, а он все еще ничего не понимал.

Однажды ночью он проснулся от жгучей боли в ноге. Включив свет, он увидел на коже несколько красных пятен. Потом обнаружил, что их гораздо больше, - они напоминали ожог. Невидимые шарики прыгали по всей постели, когда он снова лег. Эта картина возбудила его подозрительность - их ядрышки мельтешили, как блошки.

- Черт возьми, неужели вы отца родного кусаете?! - шепнул он укоризненно и оглядел комнату.

Матово поблескивали разбросанные повсюду шарики; они покрывали весь стол, лежали на полу, на полках, в кастрюлях и горшках, даже в чашке с остатками чая что-то подозрительно мерцало. Мгновенно заколотилось сердце от непостижимого страха. Дрожащими руками он отряхнул одеяло, пододеяльник, потряс, высоко подняв, подушку, сбросил все шарики на пол, еще раз озабоченно осмотрел красноватые припухлости на икрах, закутался в одеяло и погасил свет.

Комната то и дело оглашалась звуком, похожим на металлический голос фанфар, прерываемый внезапным ударом, - будто захлопывалась крышка сундука.

"Не может быть! Не может быть!" - подумал он.

- Выброшу вас. Выгоню всех до единого вон на улицу, - заявил он вдруг шепотом; слова застревали в пересохшем горле. Безмерная обида давила его, выжимала из

глаз слезы.

- Неблагодарные скоты! - шептал он, прислонившись к стене, и так, полусидя, полулежа, заснул.

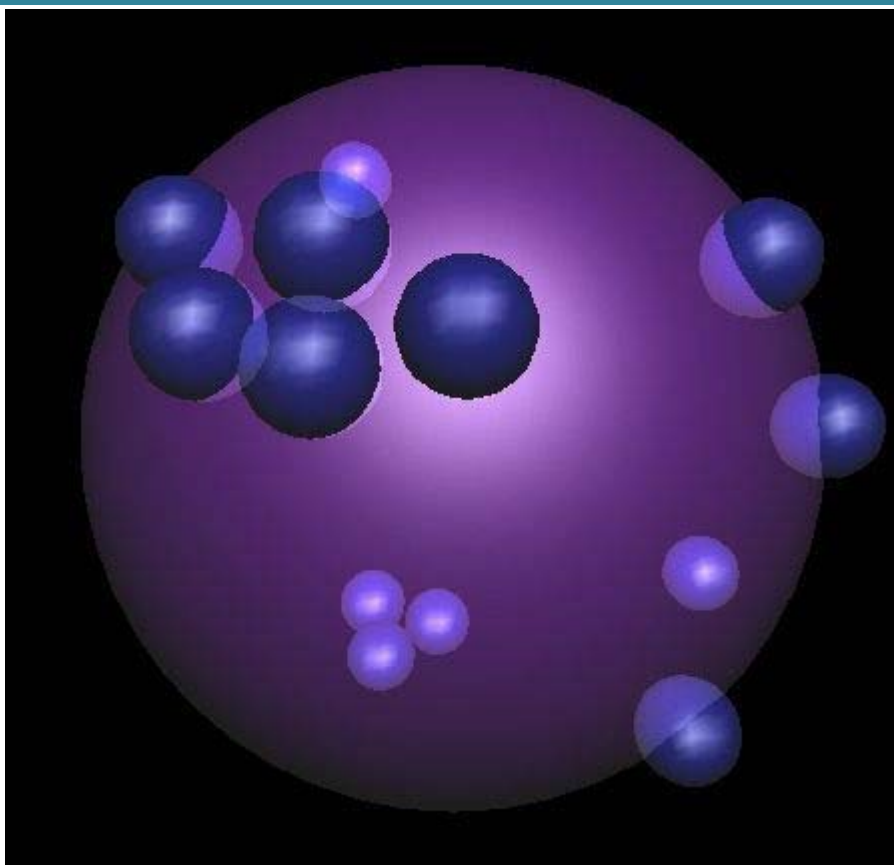
Утром человек проснулся совершенно разбитый, с ощущением, что произошло несчастье, катастрофа. В отчаянии он искал мутными глазами следы вчерашних ожогов, напрягал память, потом вдруг очнулся, вылез из кровати и, поставив лампу на стул, приступил к тщательному исследованию пола.

Сомнений не было, на нем отчетливо виднелись следы как от укусов, точно кто-то обрызгал доски невидимой кислотой. Такие же следы, хоть и в меньшем количестве, оказались на письменном столе. Особенно пострадали кипы старых газет и журналов - почти все верхние листы были продырявлены как решето. Эмалированные кастрюли также покрылись изнутри эрозией. Он долго смотрел в оцепенении на комнату, потом принялся собирать шарики. Ведрами носил их в ванну, она наполнилась выше краев, а комната по-прежнему была заполнена ими. Они перекатывались у стен, он чувствовал их тревожное тепло, когда они касались его ног. Шарики были повсюду - матовые груды на полках, на столе, в банках, по углам - целые горы.

morphographic.com

Он возился, напуганный и сбитый с толку, целый день сметал шарики с места на место, наконец заполнил ими частично старый пустой комод и вздохнул с облегчением. Ночью канонада гремела громче обычного. Деревянный ящик комода превратился в огромный резонатор, изрыгающий глухой чудовищный гул, как будто невидимые узники били изнутри колоколами в его стены. На другой день шарики

femto.cs.uiuc.edu

стали уже пересыпаться через предохранительную сетку у двери. Он перенес матрац, одеяло и подушку на письменный стол, и там устроил себе постель. Уселся на нее, поджав ноги. Надо было сразу же принести тиски, мелькнула у него мысль, а теперь что? Выбросить их ночью в реку?

Решил, что так будет лучше всего, однако произнести вслух эту угрозу побоялся. Никто другой их не получит, а себе он оставит несколько штук - не больше. Несмотря ни на что, он был к ним привязан, только теперь к привязанности примешивался страх. Он утопит их... как котят!

Подумал о тачке (иначе не управишься с переноской), но едва он попытался сдвинуть ее с места, как тачка застряла в старом котловане у стены. Ни с чем поплелся домой. Он был слаб, очень слаб. Пришлось отложить. Он решил побольше есть.

Ночь была ужасной. Утомленный, он, несмотря ни на что, уснул. Первый же металлический звук разбудил его, он приподнялся в темноте, а вся комната озарялась короткими зигзагами, вспышки вырывали из тьмы то часть стены, то запыленную полку, то вытертый коврик у кровати, отражались в подрагивающей стеклянной посуде. Вдруг тусклое мерцание пробилось сквозь пододеяльник - значит, и там спряталась какая-то хитрая бестия! Он вытряхнул ее с отвращением.

ok4me2.net

Это кошмарное размножение напоминало пейзаж, озаряемый вспышками молний, с той только разницей, что вместо раскатов грома после маленькой вспышки слышался звон, от которого подрагивали стекла. Человек уснул, прислонившись к стене. На рассвете он снова проснулся и слабо вскрикнул - волна голубых брызг освещала комнату, заливала ее; бесчисленные зигзаги уже почти достигали поверхности стола, который вдруг, сильно качнувшись, отодвинулся от стены, - делаясь,

невидимый шарик оттолкнул его. От этого толчка - он осознал его неумолимую силу - человека бросило в холодный пот. Он смотрел на комнату вытаращенными глазами, бормоча что-то, и опять забылся, окончательно обессилев.

Проснувшись утром, человек почувствовал себя скверно, так скверно, что едва спустился на пол, чтобы выпить остатки холодного горького чая. Его затрясло, когда он погрузился до пояса в мягкую невидимую массу, - шариков было так много, что он едва мог передвигаться и с огромным трудом добрал до стола. Комната наполнилась тяжелым, нагретым воздухом, будто топилась невидимая печь. С ним произошло нечто странное: он скользнул на пол, но не упал - поддержала эластичная упругая масса, и ее прикосновение заполнило его невыразимой тревогой, такое оно было нежное, мягкое, в голову пришла страшная мысль - не проглотил ли он шарик вместе с овсянкой, самый мельчайший, и нынешней ночью во внутренностях...

Хотелось убежать. Выйти. Выйти! Не мог отворить дверь. Она приоткрылась на несколько сантиметров, потом эластичная масса, упруго подавшись вперед, задержала ее и не пустила дальше. Он боялся дергать дверь и чувствовал, что у него начинает кружиться голова. Надо выбить стекло, подумал он, но сколько потом возьмет стекольщик?

Дрожа, проложил себе дорогу к письменному столу, влез на него, тупо глядя на комнату, - шарики серым зернистым туманом, еле различимым безмолвным облаком окружали его со всех сторон. Он был голоден, но слезть не решался. Несколько раз неуверенно, глухо вскрикнул с закрытыми глазами:

- На помощь! На помощь!

Человек уснул, когда начало смеркаться. В сгустившемся сумраке комната оживала от вспышек и все более мощных раскатов. Освещаемая изнутри масса росла,

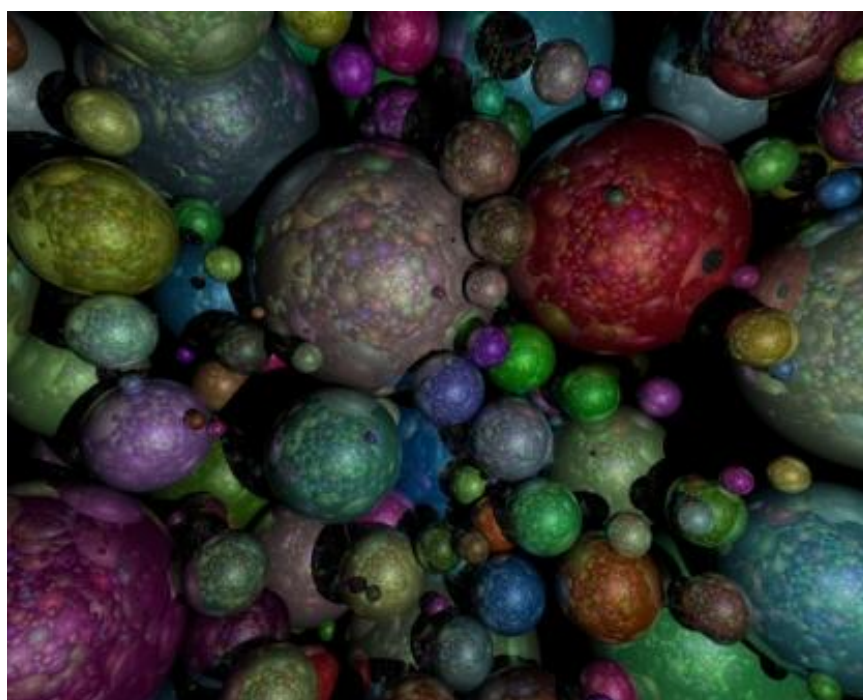

пенилась, медленно вздымалась вверх, колебалась, словно кто-то слегка ее встряхивал. С полок, расталкивая книги, выскакивали и, вычерчивая голубые жирные параболы, разлетались горячие подрагивающие шарики. Один скатился сверху ему на грудь, другой коснулся щеки, третий припал к губам, огромное скопище их облепило матрац вокруг его наполовину облысевшего черепа, они вспыхивали прямо перед его полуоткрытыми глазами, но он уже не просыпался.

На следующую ночь, в третьем часу утра, по дороге в город проезжал грузовик. Он вез молоко в двадцатигаллоновых бидонах. Шофер, утомленный долгой ездой, клевал носом над баранкой. Это было самое тяжелое время, когда просто невозможно побороть сонливость. Вдруг он услышал донесшийся издали раскатистый гул. Машинально притормозил, увидел за деревьями ограду, в глубине - темный сад, в нем одноэтажный домик, окна которого озарялись вспышками.

"Пожар!" - подумал шофер, съехал на обочину, резко затормозил и подбежал к калитке, чтобы разбудить жильцов.

Он уже пробежал половину заросшей травой тропинки, когда увидел, что из окон с остатками разбитых стекол вырывается не пламя, а пенящийся, непрерывно звенящий и искрящийся поток и кипящей массой разливается у стен. По его рукам и лицу заскользило что-то мягкое, словно тысячи невидимых крыльев ночных бабочек. Он подумал, что это сон, когда увидел вокруг на траве и кустах вспышки голубоватых огоньков; левое чердачное оконце засветилось, напоминая широко открытый огромный кошачий глаз, входная дверь затрещала и с грохотом раскололась - и он бросился бежать, все еще видя перед собой гору мерцающей икры, которая с раскатистым гулом разваливала дом.

arbitrary.name